

Отт Урмас

Урмас Отт на советском телевидении выглядел иностранцем еще тогда, когда дикторам не разрешали говорить от себя, а въезд в Эстонию был свободным. Отт не трепетал перед все-союзными авторитетами и эффектно демонстрировал, что журналист — не подставка для микрофона. А любая звезда для него лишь элемент шоу, в котором его (звездой) крутят как захотят. Отт попал в «Останкино» случайно. В 1987 году. Он никогда не строит творческих планов. «Телевизионное знакомство» превратилось из чисто эстонской программы в один из самых вкусных кусков столичного эфира. Последние два завершающих сезона Отт делал только для Москвы. Сначала от компании ТВ-прогресс, потом от Рен-ТВ. Последний выпуск его передачи зрители посмотрели летом 1992 года.

Теперь Урмас Отт два раза в месяц ведет на первом канале государственного телевидения Эстонии программу «Карт-бланш». Со звездами различных величин и национальностей. Написал книгу «Плей Бек». Двухтомник на 1200 страниц с тридцатью интервью гостей «Телевизионного знакомства». Книгу, отпечатанную на добротной финской бумаге (100 долларов за штуку), читают в Эстонии, Америке и России. Отт объяснил, что не рассчитывает за счет нее разбогатеть. Ему хочется рассказать, какими он видел тогда «этих русских знаменитостей», чтобы «совесть была чиста». Писал по-эстонски, но задумывал для русских.

Говорят, что финны купили в Таллине все самое ценное. Например, хронически шикарный отель «Виру». А еще они на пароме вывозят дешевые продукты, а еще... а еще...

Непроданный, но не менее престижный отель «Олимпия» находится недалеко от дома Урмаса Отта. Мы договорились встретиться в баре.

— Давно в Москве не были?

— С апреля прошлого года. Я прилетал на съемку. И у меня было только полтора дня на то, чтобы что-то посмотреть. Меня поразило, что Москва — город, который намного дороже Токио. Нью-Йорк в сравнении с ней просто детский лепет. В каком-то фирменном магазине на Калининском проспекте я видел кассету Кири Таканавы за двадцать пять долларов! В Нью-Йорке за такие деньги я могу купить два лазерных диска. Я не знаю, сколько в Москве стоит нормально жить, но гостить дорого. Так что изумительный город.

— Ну Таллин тоже не дешевый.

— Таллин очень дешевый город. На мой взгляд. У всех разные возможности.

— С кем-нибудь из «советских» знакомых вы встречаетесь? Сколько ведь их прошло через «Телевизионное знакомство».

— К сожалению, нет. Люди обычно стремятся поддерживать отношения друг с другом, когда есть какие-то общие интересы или взаимная необходимость. Этот период у меня прошел. Год назад в Риге видел Раймонда Паулса. Несколько раз — Аллу Пугачеву: она приезжала на какой-то рок-фестиваль. Я пригласил ее в свою программу «Карт-бланш». У нее в Таллине был концерт. Я уже давно не видел, как она работает на сцене. Посмотрел из любопытства. Встречался с Олегом Янковским. Он был у нас и тоже участвовал в «Карт-бланше». Иногда бывают редкие звонки из Москвы. Но уже нет совместных записей и выступлений, как было раньше.

— И что, больше никаких российских планов у вас нет?

МИСТЕР ЭСТОНИЯ

Урмас Отт: «В России я ни на что не претендую»

— Иногда какие-то люди из «Останкино» просят, чтобы я вел их передачи. Были переговоры этим летом.

— С какой программой?

— Неважно. Вы понимаете, идея была моя. Я уже собирался ехать на первую запись. Но 1 декабря в «Останкино» что-то произошло. Кажется, распалось их акционерное общество. А потом я увидел, что передача вышла без меня.

— У вас идея украли?

— Наверно, я просто слишком дорогой. Мне так показалось в процессе переговоров. (Я вообще не обижен. Не подумайте.) Теперь программа в эфире. Ну позвоните, скажите, что я требую слишком много, извините, мы должны порвать контракт. Но не так же, молчком. Я подал идею, ее осуществили — ни ответа ни привета. Деньги мне надо платить — понимаете? А то, что мне предложили сначала под контракт, — глупость, чушь собачья. Самое страшное, когда у людей есть деньги на передачу, но нет никакого представления о том, как ее надо делать. На днях еще один человек приехал из Москвы с проектом. Но это не мое. Я просто не владею русским в такой степени, которая требуется для такой программы. Я не могу заниматься ерундой только ради того, чтобы мелькать на экране.

Я смотрю останкинский эфир. Там пахнет деньгами. Я чувствую запах долларов. Я знаю, до какой степени там забиты места. С моей стороны, было бы неприлично сунуть свой нос туда. Я же иностранец.

— Наш бывший интернациональный язык вам сейчас совсем не требуется? Ну кроме сегодняшнего случая.

— Почему? В Таллине я со многими разговариваю по-русски. Если я вижу, что у человека трудности с эстонским, я всегда перехожу на русский. Во мне нет убеждения, что в Эстонии я должен общаться только по-эстонски.

— То есть на деловую встречу вы не придете с переводчиком? Как это принято даже на Украине.

— Ну это же глупо.

— А как все-таки произошел ваш разрыв с «Останкино»?

— Никакого разрыва не было. Я давно собирался ставить точку на «Телевизионном знакомстве». Тянул от сезона к сезону. И потом это была уже агония передачи. Да и ситуация сильно изменилась. Я почувствовал, что исчерпал свои возможности. Меня начало раздражать название программы; ее музыкальное оформление.

— Так что ваше исчезновение с российских экранов никак не было связано с независимостью Эстонии?

— Здесь абсолютно нет никаких политических моментов. Эстония уже была независима.

— Вам не жалко было потерять такую огромную аудиторию?

— Это была не только огромная аудитория, но и совершенно другие возможности. Тут (в Эстонии. — Н.К.) ничего не происходило. Понимаете? А в России возможно все. Страна чудес. Жаль? Да. Те дни были изумительными. Только потом понимаешь, как это было прекрасно.

— Программу Андрея Караулова смотрите? На ТВ вы-то были первым в этом жанре.

— Большое интервью — классический телевизионный жанр. Это придумал не я.

— Я говорю скорее о стиле.

— В тот момент, когда меня пригласили в «Останкино» вести «Телевизионное знакомство», действительно такого цикла еще не было. И поэтому многие считают, что жанр придумал я. Нет. Просто было другое время. Год 87-й и 95-й год — огромная разница. Я пытался делать то, что было интересно тогда. Задавал вопросы по существу. Но все равно ни на секунду не забывал, что это идет еще и в эфир. Я все время шел на компромисс. Я не мог показать свое истинное лицо. Сейчас, мне кажется, в России опять нельзя говорить то, что думаешь.

Я недавно смотрел интервью Караулова с Юрским. Вы знаете, не хочу ничего сказать, но я не понимаю многих моментов. Он, например, спрашивает у человека: «Где вы были 31 октября?» А я не знаю, что случилось в России 31 октября. Понимаете? Там какие-то Шохин-Мохин, Чубайс-Мубайс — я не знаю, кто они. Какие-то правительственные деятели. Это мне известно. Но что они делают?

Плохие они или хорошие? То есть довольно часто бывает, когда мне просто неинтересно. Я совершенно не ориентируюсь в ваших политических играх. Вы, наверное, знаете, кто такие Шохин и Чубайс?

— Слышала.

— А я нет. Многим кажется, что интервью любой дурак может сделать: один задает вопросы — другой отвечает. Я убедился в том, что, чем больше работаешь в этом жанре, тем становится все сложнее и сложнее. Мне в принципе всегда интересно смотреть ток-шоу. Но у меня профессиональный взгляд. Мне интересны те ведущие, у которых есть как бы внутренний моторик. Я не должен понимать, как он это делает.

Караулова я смотрю. Не могу сказать, что я в большом восторге от его программы. Может быть, я слишком критически к нему отношусь. Но мне кажется, он честно делает свою работу. Я смотрю его передачи всегда, когда есть такая возможность и когда мне интересен человек, с которым он беседует. Но мне трудно его оценить объективно, потому что у него свои подтексты, которые мне непонятны.

— Вам не кажется, что государственное эстонское телевидение затерялось в разнообразии зарубежных каналов и существует как бы номинально?

— У вас никогда не будет таких проблем. Потому что Россия — это огромная аудитория и огромный рекламный рынок. В Эстонии он очень маленький. Естественно, деньги тут не те. Тем более сейчас, в посткоммунистическое время, когда все достаточно бурно развивается. Бывают трудности. Но я считаю, что тех нескольких часов эфирного времени, из которых состоит государственное ТВ Эстонии, вполне достаточно. Надо отходить от стремления любой ценой быть в эфире. Надо думать о качестве программы. Мне кажется, это правильное направление. Учитывая условия, в которых работает эстонское телевидение: и денежно, и географически, и вообще условия свободного рынка. ЭТВ производит такие передачи, которые никогда не будут создавать ни одна коммерческая компания: о национальной культуре, искусстве.

Я удивляюсь: вроде в Москве есть и деньги, и все остальное, но показывают какие-то фильмы 70-х годов. А я жду именно Москву. Я смотрю ваши программы через спутниковую связь и жду именно ваши фильмы. Но почему-то мне их не показывают. Хотя говорят, что молодые режиссеры делают картины. Никто их не видит.

— Янковского в «Карт-бланше» вы поставили в тупик восклицанием: «Как? Вы родились в таком ужасном городе?»

— Это не значит, что я специально выработал наглый стиль. Наверно, я такой и есть. В своей передаче я не думаю о том, чтобы выглядеть воспитанным. Просто я очень хорошо помню тот город. Никогда не мог оттуда улететь. Я действительно это тогда сказал Янковскому и не вижу в этом ничего такого неприличного.

— Вопросы о личной жизни вы задаете с такой же легкостью, как сами отвечаете на них?

— Можете задать мне любой вопрос. Я все равно отвечу так, как хочу. Понимаете? И в интервью делаю то, что мне нужно. Но каждый раз я чувствую, с каким человеком о чем я могу говорить. И никогда не переступаю грань. Одну женщину я могу спросить: «Сколько вы сделали аборт?» или: «Когда вы потеряли девственность?». А другой я уже не смогу задать такой вопрос. Люди смотрят с огромным интересом, но потом говорят: это было ужасно, как можно было такое спрашивать. Поэтому я подвожу к таким вопросам зрителей «степень ступень». Кстати, таких сложных личных вопросов в передаче Караулова я не слышал. Его интересует политика: «А почему вы не были на баррикадах?» Он никогда не спрашивает: «Как у вас с сексом?»

— Вы всегда выглядели эдаким любителем роскоши, окруженным различными изысками и грудой разбитых женских сердец. Все так?

— Что касается женских сердец, разбитые они или неразбитые — зависит не от меня, а от самих женщин и от того, из какого материала у них сердца. Не знаю, наверно, тогда, на фоне общей нищеты, для кого-то то, о чем я говорил, выглядело вызывающе. Я никогда не скрывал, что коньяк «Хейнес» мне нравится больше, чем «Белый аист», а «девятке» я предпочитаю «Мерседес» и «Вольво».

— У вас-то «Вольво».

— Да. Но не только.

— А еще что?

— Ну нет... э-э-э, эстония...

— Это же уже не роскошь — два автомобиля или три.

— Не в том дело. У меня нормальные условия. Хотя я думаю, что и в Эстонии, и в России есть люди, которые живут гораздо лучше, чем я. Какие-то восемнадцатилетние московские мальчики мне говорили, что каждую ночь позволяют себе проигрывать в казино по 20 тысяч долларов. Я не могу. Понимаете? Я не хожу в казино. У меня другое отношение к деньгам. Мне скоро 40 лет. И мое отношение к ним абсолютно изменилось. Вот когда мне было 30, я хотел как больше и быстрее. Сейчас я понимаю, что никто не знает, сколько проживет, и ничего не возмешь с собой. Поэтому я успокоился.

— Вы занимаетесь хозяйством? Что-то элементарное делаете сами?

— Сам поливаю цветы. Но они у меня почему-то плохо растут. Листья падают. Через каждые два месяца приходится покупать новые. Не знаю, что с ними происходит.

— Может, потому, что нет хозяйки?

— Хозяйство ведет домработница Фрида.

— У вас с ней возникают конфликты, скажем, по поводу перестановки мебели?

— Никаких. Потому что она домработница, а я хозяин дома. Она делает то, что ей сказано. Тут не может быть никаких недоразумений. И плюс ко всему я плачу ей за труд.

— Мне рассказали, что вы называете себя «ночным человеком». Много работы или в Таллине много хороших ночных заведений?

— В этом смысле я живу скромно. Вообще не помню, когда был последний раз в ресторане вечером.

— То есть в шумной компании вас увидеть нельзя?

— У меня нет таких друзей, с которыми я постоянно общаюсь. По телефону я разговариваю, если звонят мне. Никогда никому не звоню первый. В театры хожу в Нью-Йорке или где-то на Западе. Смотрю оперные спектакли. Иногда хожу на правительственные приемы, на какие-то протокольные концерты, куда меня приглашают. А просто так — нет.

— А на спорт есть время? На пресловутый теннис?

— К сожалению, получилось так, что в теннис я уже почти не играю. Поссорился со всеми своими партнерами.

— Почему?

— Они мне все надоели. Один — пьяница, другой — дурак, третий — просто негодяй. Я дал себе слово, что никогда с этими людьми больше играть не буду. А новых партнеров я не нашел. Сам страдаю от этого.

Летом господин Отт отдыхает в Эстонии. На каком-нибудь из островов.

— Ягоды-грибы собираете?

— Нет. Лежу на солнце, купаюсь, читаю. Больше ничего.

Рыбалку и охоту не признает.

Сейчас собирается в Америку на презентацию книги. В апреле — в отпуск. А в конце марта герои «Телевизионного знакомства» соберутся здесь отметить выход «Плей Бека» в эстонском посольстве.

— Это мое прощание с Москвой.

Наталья КИЛЕССО.
Таллин — Москва.